

РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

УДК 811.432

Юзефович Н.Г.

Русскокультурный субстрат в англоязычном интерлингво- культурном произведении: переводческие сложности

АННОТАЦИЯ

Изучение сложностей перевода на русский язык интерлингвокультурных произведений билингвальных авторов (Russian immigrant writers), обращающихся к английскому языку как средству выражения российской действительности (русскокультурного субстрата) является одной из важных проблем межкультурной коммуникации. Ориентируясь на англоязычного читателя, писатели адаптируют язык, объединяя разные лингвокультуры в интерлингвокультурном тексте, включающего номинации субстрата российской лингвокультуры, что нередко требует экспликации значения. Перевод обозначений подобного рода на русский язык выдвигает ряд проблем: насколько релевантны средства экспликации, сохранять ли авторский комментарий, в каких случаях необходим переводческий комментарий, учитывая целевую аудиторию? Подходы профессиональных переводчиков, исследованные посредством стилистического и переводческого анализа, сопоставительного метода, контекстуального анализа, и обобщенные в данной статье, представляют важный материал для практики и теории перевода и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: интерлингвокультурное произведение; русскокультурный субстрат; экспликация; авторский/переводческий комментарий.

Iuzefovich N.G.

Russia's substratum in english interlanguacultural text: translation challenges

АБСТРАКТ

The paper briefly discusses some trends in literary translation into Russian the fiction written by those Russian-American writers who are seeking for their ethnic roots and identity and employing English to name Russia's cultural substratum.

Such kind of literary works is called in the paper 'interlanguacultural' as the writers have to adapt English verbal means to name specific features of another culture so as the target audience, English-speaking reader, will get "inside" a new world. In this case the names of another culture most often need some explanation within the text but while translating into Russian the following issues are to be considered:

1. How important is the explication (explanation) of a Russia's cultural substratum name to a Russian reader? 2. What should the translator's choice depend on considering the role of commentary: the author's (in the original) and the translator's?

Some answers to the questions might be found in the translations done by professionals, thus the paper aims at summing up the results of the comparison of fiction under discussion and its translation into Russian employing stylistic, contextual, translation and comparative analysis.

Key words: interlanguacultural literature; Russia's cultural substratum; explanation; commentary; author's /translator's commentary.

Введение: в англоязычном литературном пространстве настоящего тысячелетия усиливается значимость произведений, созданных писателями, представляющими разнообразные этнические идентичности, английский язык которых в традиционной терминологии является вторым или иностранным. В первую очередь имеется в виду *контактная* или *постколониальная* литература [12]: произведения билингвальных писателей из бывших колоний, обращающихся к языку колонизаторов для выражения своей идентичности: индийской – R. Rao, нигерийской – Ch. Achebe, тринидадской – B.C. Naipaul и др. Такую литературу называют также «транслингвальной» [13; 14, с. 9; 15] или *транскультурной* (P. Scott) [цит. по 12, с. 2].

В XXI в. к «чужому» языку как средству выражения своей идентичности обращаются и русские иммигранты: О. Grushin и G. Shteyngart и др. (английский язык), W. Kaminer (немецкий язык), А. Makine (французский язык). Литература такого рода на данный момент общепринятого обозначения не получила и представляется целесообразным отграничить ее от постколониальной.

В статье используется термин «интерлингвокультурное произведение», введенный ранее [10], дальнейшее обоснование которого выступает одной из задач исследования, второй является анализ переводческих сложностей, возникающих при переводе данной литературы на русский язык.

Обоснование термина «интерлингвокультурное произведение» основано на изучении работ зарубежных [5; 16; 17; 18] и отечественных ученых [1; 6] о литературе, выражающей этнический субстрат, о субстратной литературе [8], текстовый мир которой соединяет разные культуры в «контаминированном языковом мире» [6], в особом когнитивно-дискурсивном пространстве. Термин «контаминированный» используется в теории перевода в значении «искаженный» пейоративной оценочности («контаминированная речь» иностранцев) и не отражает мультикультурность текста, поэтому представляется логичным термин «интерлингвокультурный текст» и соответствующая картина мира [10]. Данный термин является

культурами, т.е. английский/французский/немецкий язык выступает посредником между лингвокультурами, позволяя проникнуть в другой мир.

Одним из основных текстообразующих качеств в данном случае является инолингвокультурная маркированность (*ино* – относительно языка словесного произведения). В лингвистике текста и теории перевода [5] культурную маркированность как критерий текстуальности [9, с. 34–35] и внутрикультурную обусловленность стали подчеркивать относительно недавно [7]. Параметр интертекстуальности создает определенную систему «кодов культуры, в которую «погружен» текст», влияя на его создание и интерпретацию» [4, с. 187].

Произведение такого типа формируется «на заимствованном литературном языке»: национальное «помещено и растворено в литературном тексте» [8, с. 173], специфика которого содержится в лингвокультурном *субстрате*, своего рода «сгустке этнической лингвокультуры», «растворенном» в слове [8; 1; 6].

Описание этнической идентичности через призму «чужого» языка требует интерлингвокультурного видения, позволяющего предвидеть возможные лакуны при межкультурном общении, выявить точки соприкосновения и отличия и предотвратить коммуникативный сбой вербальными средствами (транслитерации, калькирования, переключения кодов и т.п.). Результатом речевой деятельности при этом является интерлингвокультурное произведение [10].

Лингвокультурный субстрат в интерлингвокультурном произведении и способы его перевода: вербализация русскокультурного субстрата в интерлингвокультурном тексте, реализуемая на уровне слова/предложения, создает особое дискурсивное пространство, исследование специфики которого в оригинале и переводе привлекает внимание отечественных ученых [2; 3].

Выявление способов перевода этнического лингвокультурного субстрата, представленного в интерлингвокультурном тексте, «чужого» языка на родной требует обращения к переводам на русский язык англоязычных произведений русских эмигрантов (Russian immigrant

writers), в центре внимания которых российская действительность. В романах *The Dream Life of Sukhanov* О. Грушиной [19; 21] и *Absurdistan* Г. Штейнгарта [20; 22] на вербальном уровне выражен субстрат российской, в том числе и советской, действительности разных периодов (русскокультурный субстрат) посредством транслитерированных с русского языка номинаций. В тексте оригинала значение такого рода номинаций нередко эксплицируется, что при переводе на русский язык представляется излишним, однако возникает дилемма: как сохранить национальный колорит произведения, не перегружая перевод экспликацией известных всем слов. Не исказит ли содержание оригинала, его текстовый мир прием «опущение»?

Ответы на данные вопросы вряд ли можно дать в полной и категоричной форме, в данном случае переводческие стратегии, как показывают проанализированные тексты, определяются переводчиком при согласовании с автором. Нижеследующий анализ ряда переводческих соответствий позволяет сделать описание возможных подходов.

Обратимся к роману *Absurdistan* Г. Штейнгарта, в художественной картине мира которого воссоздается жизнь «бизнесменов», еврейской диаспоры и пр.; ироничность автора отражается в описании персонажей, образа жизни и пр. Особая роль принадлежит контаминированным интернационализмам, образованным в русском языке при заимствовании, но отличающимся семантической аберрацией. Такого рода номинации представляют вторичные заимствования, модификация семантики которых передается графической формой: контаминированной практической транскрипцией, отражающей искажение денотата и оценочности и произношения: *town khauses*, *kapitalists*, *biznesman* и др.

Лексическая единица *kottedzhes* объективирует скептическое отношение иностранцев к тому, что виллы и резиденции в русском языке гордо именуются *коттеджами*. На первый взгляд, это слово перекликается с английским *cottage*, обозначающим понятие «загородный дом для отдыха», что, однако, не соответствует русскокультурному контексту:

Krestovsky (Island) is where we rich people pretend to be living in a kind of post-Soviet

Switzerland, trudging along the manicured bike paths built 'round *kottedzhes and town khauses*, and filling our lungs with parcels of atmosphere seemingly imported from the Alps [22, с. 4].

В переводе графический маркер (курсив) не используется; *town khauses* передается номинацией «дома», а *kottedzhes* – «коттеджи»:

«Крестовский – это то место, где богатые люди притворяются, будто живут в какой-то постсоветской Швейцарии, прогуливаясь по вылизанным дорожкам, проложенным вокруг наших коттеджей и домов...» [20, с. 13].

Нельзя не признать, что при этом теряется ироничная тональность оригинала, однако вариант перевода «таунхаузы» не способствовал бы ни сохранению тональности ни, как и при переводе «коттеджи», выявлению модификации семантики. Если рассматривать перевод на уровне слова, то напрашивается вывод, что переводчик не передает скептическое отношение к семантическому варьированию контаминированных интернационализмов, которые в русском языке привносят оттенок высокопарности, воспринимаемой негативно с позиции англоговорящего индивида, что актуализируется в оригинале курсивом.

Одним из решений в данном случае может стать использование транслитерации (перенос в русский язык английской транслитерации), однако предлагаемый вариант следует рассматривать в контексте перевода всего текста. Анализ тональности фрагмента показывает, что в целом она соответствует оригиналу, т.к. разговорное пейоративное выражение «в какой-то» перед калькированием «пост-советской Швейцарии» задает ироничность всему отрывку.

Переводческие дилеммы определяются также читательской аудиторией: используемые в оригинале советизмы актуализируют субстрат советского периода, что, однако, вряд ли в полной мере осознает молодое поколение россиян, и переводчик, предотвращая коммуникативный сбой, вводит комментарий.

В ряде фрагментов переводчик использует советизмы эвфемистического характера. Так, слово «органы» в советское время заменяло табуированное в практике речевой деятельности простых людей название «КГБ», которое сту-

денты старших курсов лингвистического отделения (опрос проведен в 2013 г.) понимают как «власть», что не передает таких негативных ассоциаций и чувство страха, которое вызывала номинация «КГБ» в советское время.

Ср.: “Good boy,” Belugin said. “We could use him on the force. They’re so clean here” [22, с. 100]. « – Хороший мальчик, – заметил Белугин. – Мы могли бы использовать его в органах. Они тут такие чистенькие» [20, с. 150].

При сопоставительном анализе передачи субстрата в оригинале и тексте перевода был выделен ряд фрагментов с переводческим комментарием. Например, конкретизируется название партии, что не требовалось в советский период однопартийности, поскольку «партия» неизменно означала «Коммунистическая». Ср.: ... with the gravity of Leonid Brezhnev stepping up the podium at the 23rd Party Congress in Moscow [26, с. 201].

«...с торжественным видом Леонида Брежнева, поднимающегося на трибуну 23-го Съезда Коммунистической партии в Москве» [20, с. 290].

В романе О. Грушиной название партии передано калькированием усеченного полного варианта *the Communist Party*, но в переводном тексте используется аббревиатура «КПСС», предположительно известная российскому читателю, что вызывает некоторое сомнение, если учитывать невысокий уровень политической информированности среднего студента. Название советской молодежной организации в романе передано как *the Russian Communist Youth Union*; в данном случае следует уточнить, что в английском языке кодифицированы номинации советизма: Young Communist League/the Communist Youth League. Переводной вариант «Коммунистический Союз Молодежи» в отрыве от контекста может быть воспринят и как реалия сегодняшнего дня, что характерно и для оригинала, т.е. наблюдается определенная семантическая аберрация.

Следует отметить двусмысленность с современной точки зрения известного в контексте советологических академических изданий обозначения *Party: a high-ranking Party official* (всегда с заглавной буквы в значении «КПСС»), равно как и его перевода «высокопоставленный партийный работник».

Такого рода фрагменты представляют собой определенную дилемму: если постоянно конкретизировать все номинации русскокультурного субстрата, будет ли это интересно читателю, который может осознать смысл высказывания, учитывая контекст?

Вышеприведенные примеры подчеркивают значимость контекстуального анализа при определении способа перевода, потребности в переводческой трансформации, комментария; анализ переводческого решения только на уровне слова при переводе художественного произведения невозможен.

При переводе на русский язык романов О. Грушиной, одна из первых сложностей, как представляется, заключается в передаче ее фамилии: в англоязычном мире она известна как Olga Grushin. Локализация фамилии (опущение гендерного окончания), возможно, не понравится российскому читателю, в подобных случаях нередко говорят о потере русскокультурного субстрата. В данном случае следует учитывать, стратегию доступности в ориентации на читателя: англоязычный индивид, невладеющий русским языком, не понимает гендерной значимости окончания; ориентируясь на русскоязычную аудиторию, в переводном варианте используется исходная форма.

В романе О. Грушиной значительное число номинаций русскокультурного субстрата представлено советизмами, поскольку в центре внимания автора именно советская действительность. В следующем фрагменте функционирует ряд политических клише, восстанавливающих эпоху тотальной идеологизации, монументальности (искусства, в частности, живописи) и культа личности: “Great Leader” paintings, so-called Socialism with a Human Face:

“... the whole scene was oddly like ... one of those easily recognizable “Great Leader” paintings, with Lenin (or someone else, heavily mustachioed and currently unnameable) thundering from a far-off podium, on the unreachable horizon, and tides of workers and peasants spreading outward from it, ... presently growing larger, larger, until here they were, bigger than life, almost bursting out of the frame... Other, milder creations hung under the spotlights, presenting to the audience so-called Socialism with a Human Face.”

«...мгновенно узнаваемые произведения из серии «Великий вождь», где Ленин (или некто другой, с густыми усами и одиозным на данный момент именем) гремел с отдаленной трибуны у недосягаемого горизонта, а оттуда катился вал рабочих и крестьян, ... постепенно увеличивались в размерах, вымахивали, одетые в лохмотья, выше человеческого роста и едва не вырывались из рамы... Другие, более умеренные работы, умело подсвеченные, наглядно демонстрировали «социализм с человеческим лицом».

Ни в тексте оригинала, ни в тексте перевода не введена экспликация лозунга «социализм с человеческим лицом», что представляется оправданным, т.к. в целом напряженная атмосфера описываемого периода ощущается; художественное произведение не должно заменять собой учебное издание. Следует признать, однако, что определенный комментарий, экспликация значения, например, за пределами основного текста в авторском/переводческом предисловии, как принято в изданиях переводов на английский язык, поможет неинформированному читателю «проникнуть» в текстовый мир.

Экспликация политического смысла 1956 г. представляется необходимой при описании ситуации, где речь идет о последствиях разоблачения культа Сталина, например, в нижеследующем фрагменте:

“And then came the year 1956, and everything he had once held true – all the comfortable ideas and beliefs and ways of life – was swept away”.

«А потом наступил год тысяча девятьсот пятьдесят шестой, и все, что он принимал на веру, – все привычные идеи, убеждения, жизненные устои, – было сметено».

Переводчик романа О. Грушиной нередко использует локализацию названий: полная форма (калькированный вариант) в переводе заменяется сокращенным, не требующим экспликации, что представляется вполне оправданным:

1. “– A very nice young man. What is he doing, I forget?

– He is at the Foreign Affairs Institute, graduating next spring,” replied Sukhanov proudly”.

«–Хороший нарень. Напомни, он чем занимается? – Учится в МГИМО, весной заканчивает, – с гордостью ответил Суханов».

2. “– I’m working for a Moscow State University magazine,” she replied evenly”.

«– Я работаю в одном из журналов МГУ, – сказала она серьезно».

Локализация выявляется и в ряде описаний метафорического характера, например: “The greenish cobblestones, slippery from the rain, glistened coldly, and the cathedral of Vasily Blazhennyi rose before him like a many-headed, iridescent, scaly dragon from some tale with an unhappy ending”.

«Зеленоватая, скользкая от дождя брусчатка холодно блестела, а впереди переливался многоглавый собор Василия Блаженного, как чешуйчатый Змей Горыныч из какой-то былины с несчастливым концом».

Объем статьи ограничен, поэтому привести больше примеров не представляется возможным; были выделены наиболее типичные варианты, позволяющие понять специфику переводческих решений.

Заключение: Естественно, что в полной мере сохранить все оттенки русскокультурного субстрата ни в интерлингвокультурном произведении, ни в его переводе на русский язык практически невозможно. Переводчику сложно определить целевую аудиторию, учитывая отсутствие идеологической цельности, свойственной советской эпохи: с одной стороны, советская действительность идеализируется в сознании ряда россиян, как старшего, так и молодого поколения, с другой стороны, категорически отрицаются советские ценности другими. Современные американские писатели русского происхождения нередко восстанавливают свои детские ощущения, опыт жизни в СССР не столько свой, сколько родителей, что предопределяет определенные ностальгические нотки в их произведениях. В англоязычном литературном мире произведения авторов русского происхождения получают все больше признания, вызывая при этом интерес и русскоязычной читательской аудитории, что предопределяет потребность в изучении как способов выражения русскокультурного субстрата посредством английского языка, так и специфики его передачи в переводном тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: русскоязычный национальный писатель и особенности его русского художественного текста: монография. М.: Триада, 2005.

2. Огнева Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», 2012. № 1. С. 88–95.

3. Огнева Е.А. Структурирование концептосферы художественного текста при переводе // Когнитивные «исследования языка», 2013. Вып. XIII. С. 614–625.

4. Пшеницын С.Л. Интерпретация переводного текста в свете теории интертекстуальности // Studia Linguistica. XVII. СПб., 2008. С. 179–187.

5. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 202–228.

6. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира как результат взаимодействия языков и культур // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (017). С. 133–137.

7. Фикс У. Проявляется ли культурная специфика в типах текста? // Вестник ВГУ. 2001. № 2. С. 100–107.

8. Хугаев И.С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Вестник 2010. № 1. С. 168 – 178.

9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 208 с.

10. Юзефович Н.Г. Интерлингвокультурное художественное произведение как особый формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. XI. С. 235–238.

11. Vamiro, E.O. Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian En-

glish literature // International Journal of Linguistics. 2011. Vol. 3(1). 1–16.

12. Kachru B.B. The Bilingual Creativity: Discoursal and Stylistic Strategies in Contact Literatures // Studies in the Linguistic Science. 1983. No 13. 37–55.

13. Kellman St.G. Switching languages: translingual authors reflect on their craft. London: University of Nebraska Press. 2003.

14. Pantano, D. Review: Steven G. Kellman. Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft 2011. URL: <http://findarticles.com/p/articles/> (Accessed March 21, 2011).

15. Pennycook A. Translingual English // Australian Review of Applied Linguistics. 2008. Vol. 31 (3). 301–309.

16. Scott P.G. Gabriel Okara's *The Voice: The Non-Ijo Reader and the Pragmatics of Translingualism* // Research in African Literatures. 1990. 21 (3). 75–88.

17. Wanner A. Russian Hybrids: Identity in the Translingual Writings of Andrei Makine, Wladimir Kaminer, and Gary Shteygart // Slavic Review. 2008. Vol. 67 (3). 662–681.

18. Wilson R. Cultural mediation through translingual narrative // Target. 2011. 23 (2). 235–250.

Источники

эмпирического материала

19. Грушина О. Жизнь Суханова в сновидениях; [пер. с англ. Е. Петровой]. М., 2011. URL: <http://lib.rus.ec/a/175862> (дата обращения: 25.12.2012).

20. Штейнгарт Г. Абсурдистан; пер. Е.З. Фрадкиной. СПб: Амфора, 2007.

21. Grushin, O. The Dream Life of Sukhanov. Penguin Books. 2007. URL: <http://www.rulit.net/tag/contemporary-prose/> (дата обращения 11.10.2012).

22. Shteyngart G. Absurdistan. – N.Y.: Random House, 2007.

REFERENCES

1. Bakhtikireeva U.M. Creative bilingual personality: National Russian-speaking writer and his fiction (Monograph). Moscow: Triada, 2005.

2. Ogneva E.A. Cognitive-discursive text space in translation In: Vestnik Rossiiskogo uni-

versiteta druzhby narodov. Seriya “Russkiy i inostranniy yazyki i metodika ikh preopdavaniya”. 2012. No 1. Pp. 88–95.

3. Ogneva E.A. The Structuring of Fictional Conceptual Sphere in translation. In: Kognitive issledovaniya yazyka. 2013. Vyp. XIII. Pp. 614–625.

4. Pshenitsyn S.L. Interpretation of the translated text: Intertextuality Theory Approach. In: *Studia Linguistica*. XVII. Saint-Petersburg, 2008. Pp. 179–187.

5. Rise K. Texts Classification and Translation Methods. In: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1978. Pp. 202–228.

6. Tumanova A.B. Contaminated Language World Mapping in Language and Culture Contacts. In: *Voprosy kornitivnoi lingvistiki*, 2008. No 4 (017). Pp. 133–137.

7. Fiks U. Is there any Culture in Text Types? In: *Vestnik VGU*, 2001. No 2. Pp. 100–107.

8. Khugaev I. S. Enthocultural Identity in a Translingual Text: Ossetia Substrate in the Russian Language. In: *Vestnik MGOU. Russian Philology*, 2010. No 1. Pp. 168–178.

9. Chernyavskaya V.E. Text Linguistics. *Discourse Linguistics*. Moscow, 2013.

10. Yuzefovich N.G. Interlinguacultural Fiction as 'Knowledge Format' In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2008. Vyp. XI. Pp. 235–238.

11. Bamiro E.O. Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English literature. In: *International Journal of Linguistics*. 2011. Vol. 3 (1). Pp. 1–16.

12. Kachru B.B. The Bilingual Creativity: Discoursal and Stylistic Strategies in Contact Literatures. In: *Studies in the Linguistic Science*. 1983. No 13. Pp. 37–55.

13. Kellman St.G. *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. London: University of Nebraska Press. 2003.

14. Pantano D. Review: Steven G. Kellman. *Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft* 2011. URL: <http://findarticles.com/p/articles/> (date of access: March 21, 2011).

15. Pennycook A. Translingual English. In: *Australian Review of Applied Linguistics*. 2008. Vol. 31 (3). Pp. 301–309.

16. Scott P.G. Gabriel Okara's *The Voice: The Non-Ijo Reader and the Pragmatics of Translingualism*. In: *Research in African Literatures*. 1990. 21 (3). Pp. 75–88.

17. Wanner A. Russian Hybrids: Identity in the Translingual Writings of Andreï Makine, Wladimir Kaminer, and Gary Shteygart. In: *Slavic Review*. 2008. Vol. 67 (3). Pp. 662–681.

18. Wilson R. Cultural mediation through translingual narrative. In: *Target*. 2011. 23 (2). Pp. 235–250.

Fiction cited

19. Grushina O. *The Dream Life of Sukhanov* [transl. E. Petrova]. Moscow, 2011. URL: <http://lib.rus.ec/a/175862> (date of access: December 25, 2012).

20. Shteyngart G. *Absurdistan*. transl. E.Z. Fradkina. Saint-Petersburg, 2007.

21. Grushin O. *The Dream Life of Sukhanov*. Penguin Books. 2007. URL: <http://www.rulit.net/tag/contemporary-prose/> (date of access: November 11, 2012).

22. Shteyngart G. *Absurdistan*. – N.Y.: Random House, 2007.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Юзефович Наталья Григорьевна

доцент кафедры английской филологии и МК,

кандидат филологических наук

Дальневосточный государственный

гуманитарный университет

ул. К. Маркса, 68 г. Хабаровск, 680000

Россия

E-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Iuzefovich Natalia Grigoryevna

Assistant Professor of the Chair of the English

philology and Intercultural Communication,

Candidate of Philology

Far Eastern State University for the Humanities

68, K. Marksa Str. Khabarovsk, 680000

Russia

E-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru

Рецензент:

Кобенко Ю.В., доцент кафедры ЭНИН, доктор филологических наук, доцент,

Национальный исследовательский Томский политехнический университет